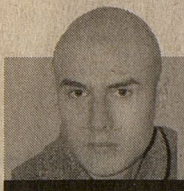

ВНЕКЛАССНОЕ ЧТЕНИЕ

Ведущий полосы Сергей Шаргунов

ИСПОДЛОБЬЯ
Сергей Шаргунов

Лицо мечтателя

«Внеклассное чтение» – памяти отличного русского и все же советского писателя, увы, полузабытого. Немного странный, с удивительно чарующей манерой прозы, с лицом мечтателя, Анатолий Васильевич Кузнецов символизирует нестарую искренность в литературе.

Хотелось бы дать, во-первых, голос самого Кузнецова, опубликовать хотя бы последнюю его беседу, но газетная площадь пошла узка. Поэтому вместо во-первых – фотография. Во-вторых, об отце вспоминает и думает его сын, Алексей. В-треть-

их, импрессионистское эссе поэта и певца Гарика Осипова, давнего радилюбителя. (Недавно на полосе «Свежая кровь» он воспел талант другого «агента радиовольности», здравствующего Льва Ройтмана.)

История играет с человеком дикие шутки, история не закончилась, летит и расщепляется нас, как бешеная карусель. Наверное, лучше всего о Кузнецове скажет его биография.

Родился в 1929 году в Киеве. Учился в средней школе. Во время Второй мировой войны в период с 1941 по 1943 год во время оккупации находился в Киеве.

Ему пришлось перенести голод, пожары, быть очевидцем массовых расстрелов и деятельности концлагеря в Бабьем Яру. С 1944 года его очерки и рассказы начали публиковаться в местных и центральных молодежных газетах. По окончании 9-го класса, в 1952 году, Анатолий Кузнецов уезжает из Киева на строительство Каховской ГЭС, где работает вначале разнорабочим и плотником, а впоследствии – литературным сотрудником в многотиражной газете «Всенародная стройка». Одновременно с работой в газете он оканчивает вечернюю школу.

В 1954 году Анатолий Кузнецов поступает в Литературный институт им. Горького. По командировке журнала «Юность» он побывал на строительстве Братской и Иркутской ГЭС, где работал бетонщиком. Впечатления от этой поездки легли в основу его первой повести «Продолжение легенды», которая принесла писателю широкую популяр-

ность. Повесть была неоднократно издана в СССР и за рубежом, по ее мотивам был поставлен спектакль в московском театре «Современник». Повесть «Продолжение легенды» дала возможность критике тех лет говорить о формировании нового направления в советской литературе – так называемой «исповедальной прозе», ролевым началом которой наряду с Аксеновым и Владимовым Кузнецов считается.

Повесть «Продолжение легенды» была издана в 1950 году во Франции, причем переводчик П.Шале дал ей название «Красная звезда в тумане», что вместе с сокращением некоторых глав дало повод Союзу писателей СССР подать в суд на издательство и переводчика и выиграть процесс.

Вершина творчества Кузнецова – роман-документ «Бабий Яр», впервые опубликованный в журнале «Юность» в 1966 году и ставший едва ли не самым крупным событием в советской

литературе того времени. В 1970 году в издательстве «Посев» издан полный вариант романа.

В августе 1969 года Кузнецов, находясь в командировке в Лондоне, просит политического убежища и остается в Великобритании.

Работа в лондонской студии Радио «Свобода» – один из самых ярких и пока не исследованных периодов его творчества. Кузнецов вел еженедельную программу в рубрике «Писатель у микрофона», создавая величественные образцы «исповедальной публицистики».

Анатолий Васильевич скончался от третьего инфаркта в 1979 году в своем доме, в Лондоне, не дожив всего двух месяцев до 50-летия.

Лицо мечтателя, переломы судьбы, поиск правдивой ноты. Хорошо бы в ближайших номерах напечатать один из множества неизвестных текстов Кузнецова. Хорошо бы издать его книгу!..

Продолжение легенды

Анатолий Кузнецов – литературный «панк»

Гарик Осипов

Когда-то радиоприемник был подобен волшебной лампе в руках алемпа, знакомого, кто в ней обитает. Это были могущественные, недоступные духи-ушесватели с медальным профилем в отличие от коллективного газообразования тех, кто в ужасе затыкал уши, не желая слушать крамольные речи. Прислушался – и сразу ясно: эти знают, чего хотят. Нашей гибели. Разум подсказывал – не «нашей», а вашей. Я-то тут при чем? Одно дело делаем. Анатолий Кузнецов знал о будущем много, совершая поступки, которые по тогдашней формуле «либо не поймут, либо осудят». По крайней мере собственная судьба была ему известна.

Стояло душно, предолимпийское лето 1979 года. Всему, что окружало еретика-отщепенца, на вид было именно 79 лет. И это наваждение не смыл даже ледяной мятный ликер в 9 утра из горлышка (школа осталась позади, незаконченной).

14 июня 1979 года закончилась вторая – западная жизнь Анатолия Кузнецова. Писателя-перевалчика почти никто не оплакивал здесь, у нас, как, впрочем, и Эльвы, ушедшего из мира двумя годами ранее.

А первая жизнь – советская – оборвалась, когда из учебника «Родная речь» была удалена его миниатюра «Деревце» (простая и печальная вещьца о финальности и непоправимости), потому что ее автор решил остаться в Англии. «Деревце» изъяти не сразу, я его успел застать. А вот роман «Огонь» в журнале «Юность»... Какой уж тут «Огонь»... Прошлиплили!

«Ребята... это фантастично» – важны не слова, а с каким чувством произносит их только что выбравший свободу Кузнецов в одном из своих первых выступлений по радио. Видимо, в аду не так плохо, если это место так поносят райские птички с красными книжечками. Тридцатидевятилетний писатель попал туда в самый угар психоделического НЭПа. Август 69-го, только что утонув в бассейне Брайен Джонс. «Битлз» на грани распада. Думаю, все это прошло мимо глаз и ушей перебежчика. Знал ли он тогда, что ему тоже суждено стать «звездой» в грядущие 70-е – звездой подрывного эфира? Знал ли он, автор трех романов и сценария несправедливо забытой картины «Мы, двое мужчин» (с Шукшиными!), что его голос будут записывать на ленту, как «Битлз» и «Стоунз», наиболее верные сторонники дендизма? Предвидел ли?

Мне памятен успех «Бабьего Яра». Этот роман-документ был напечатан в журнале «Юность» с незабываемыми рисунками Саввы Бродского. Сколько ни листай эту вещь, а все равно возвращаешься, словно к воротам заколдованного замка, к первой строке – «все в этой книге – правда». Тогда казалась невероятным, что пройдет год и самой активной формой антисемитизма сделается антисемитизм либеральный, с косяком в зубах и «арафаточкой» на невытопанной шее. Европа вполне готова похвастаться Израилем – корившей ее орде врагов культуры и цивилизации. Сказывается изнеженчество вправу.

За «Бабьим Яром» последовал маленький шедевр, его вспоминают не менее часто, если речь заходит о литературе 60-х годов. Рассказ «Артист миманса» чем-то напоминал «Несчастливых волшебников» Александра Галича, а одновременно сквозил неложный сюжет сквозит горькая усмешка американских «фильм нуар». Это настоящий гимн второстепенным персонажам, без которых в жизни остались бы одни «премьеры на проволоках». С исчезновением маленьких, но гордых людей со страниц и улиц, канул в безвозвратное прошлое фантастический мир шаманов и поплавок...

В данном случае Кузнецов выступил как блистательный провокатор, литературный «панк». Он осмелился высмеять главных балонов Совдепа – балетную номенклатуру. Последовало гневное письмо балетных знаменитостей, но оно не смогло заставить писателя, как

Прозаик Анатолий Кузнецов. Фото из архива Алексея Кузнецова

тогда говорили, одуматься. И слава богу.

Бегство Кузнецова вызвало панику среди кого следует. Политинформаторы на местах не знали что говорить. Ведь на Западе остался вполне благополучный и нескандальный сочинитель. Чем-то это напоминало фокусы Дина Риды. Этакая странная смесь простодушия и близорукости. Черт знает, что ему надо. Неужели и вправду «мир во всем мире»? Но за политинформаторов, как всегда, высказались профессиональные писатели. Принул съезд, и с его трибуны прозвучали следующие слова: «Да, в нашем поколении были и стилисты, и плесень, но они не представляли собой лицо нашего поколения в целом, как сегодня его не может представлять липкое занскивающее лицо диккенсовского Урия Гиппа под псевдонимом мсье Анатолия».

Конечно, Евтушенко не мог простить мсье Анатолию успех его «Бабьего Яра» (на Западе книга увидела свет без купюр), ведь у него был свой – в стихах. Да и личная дружба с Геварами в береточках типа Че Гевара в те времена вызвала презрение и насмешки, а не зависть

«Единственная»? Худрук, сыгранный Высоцким, это и есть идеальный слушатель кузнецовских бесед. Неудачники во всем видят насмешку, поэтому юмора в этих беседах было совсем немного. Простота, задушевность и горечь – понимаю, каково вам там. Вот и он рассказывал, какие грибы растут, что продается в магазинах, как выглядят британские алкоголики.

Принято считать, будто Кузнецов за границей не написал чуть ли ни строчки. Однако после смерти отсыпались его рассказы. Один из них, «Мужчина, если ты отважен», прозвучал по Радио «Свобода» в годовщину смерти писателя. Действие происходит, как всегда, в привокзальном буфете. Достоверность просто лущеразирающая. Дело не в истории, она может быть выдуманной от начала до конца, но в самом портрете неудачника: «Разумеется, меня сразу засекли. У них прекрасные радары». Чувствовалось, что на Западе автор дорвался до информации, целиком оправдывающей его выбор, и спешит поделиться своими впечатлениями с теми, кто (как тогда казалось) уже никогда нигде не перебежит.

Хороший рассказчик как хороший напиток

и восторг, как сейчас. Рядовых советских людей тошнило и от кубинских сигар, и от кубинских ритмов. Вот он и заклеил мсье Анатолия именем самой популярной в тот момент группы «Урия Гипп». Ну кто из нынешних смутьянов удостоился такой оценки? Сколько помню, так не говорили даже про «мсье Эдуарда». В наш коректный век бояться обидеть даже пустое место, ибо пустое место свято и злопамятно.

Нам совершенно неизвестно было, каков этот человек в действительности. Откуда? Но почему-то в той, другой жизни он мне казался «прост и печален». Как Платонов Паустовскому. И постоянно не то чтобы полубухой, а какой-то опьяненный «фантастичностью» своей британской жизни. Особенно это чувствовалось в диалогах Кузнецова с журналистом Дэвидом Флойдом. Они говорили черт знает о чем и далеко не всегда остроумно. Но в сновидениях смех заменяет тревожное ожидание. Спящий просыпается с криком и облегченно улыбается лучам родного советского солнца и щебету птиц, не имеющих родственников за границей. А они там – с Дэвидом Флойдом.

Диссидентская знать невысоко оценивала выступления Кузнецова. Своими беседами он только препятствовал зачитанию их бесчисленных обращений. Зато провинциальные крамольники воспринимали его как родного. Помните фильм

Совершенно не важно, о чем говорил этот человек. Мне, например, нравилась беседа «Как делается земля», про то, как деньги в бумажнике превратились в подобие черной ваксы. Хороший рассказчик как хороший напиток. Подайте нам еще столько же и того же самого.

Вскоре записями бесед завладел Сермяга и стал распоряжаться ими, как своим: «Чем занимаешься?» – «Ничем». – «Я тоже. Заходи. Выпей. Послушаем Кузнецова». Сермяга ставил их кому попало, и это, конечно, не всегда вызвало одобрение собеседников. «Вот Кузнецов. Им отравляйся», – повелевал Сермяга голосом того, кто диктовал Алистеру Кроули самые кощунственные миста.

Продолжение легенд – окончание легенд. Случайно мне подсказали, оказывается, сын Кузнецова тоже работал одно время на «Радио 101», где началась и моя запоздалая карьера радиохулигана. И нередко, прежде чем сморозить очередную дикость, я чувствовал за левым плечом присутствие мсье Анатолия. «На столе у него всегда стояли остро отточенные карандаши», – говорил о своем друге Леонид «Космический блеф» Владимиров. Глядя на свои, я неизменно вспоминаю Анатолия Кузнецова, как проливал в незнакомых домах его голос, словно дым из волшебной лампы... Это был настоящий агент беспокойного присутствия.

История забвения

«Я дошел до такой точки, после которой я уже не мог работать»

Алексей Кузнецов

Эти слова моего отца, писателя Анатолия Васильевича Кузнецова, произнесенные им в августе 1969 года в эфире Радио «Свобода», сегодня слышатся мне лишь слабым отголоском тех событий, которые разом перевернули его и мою жизнь, разделив ее на «до» и «после» его эмиграции.

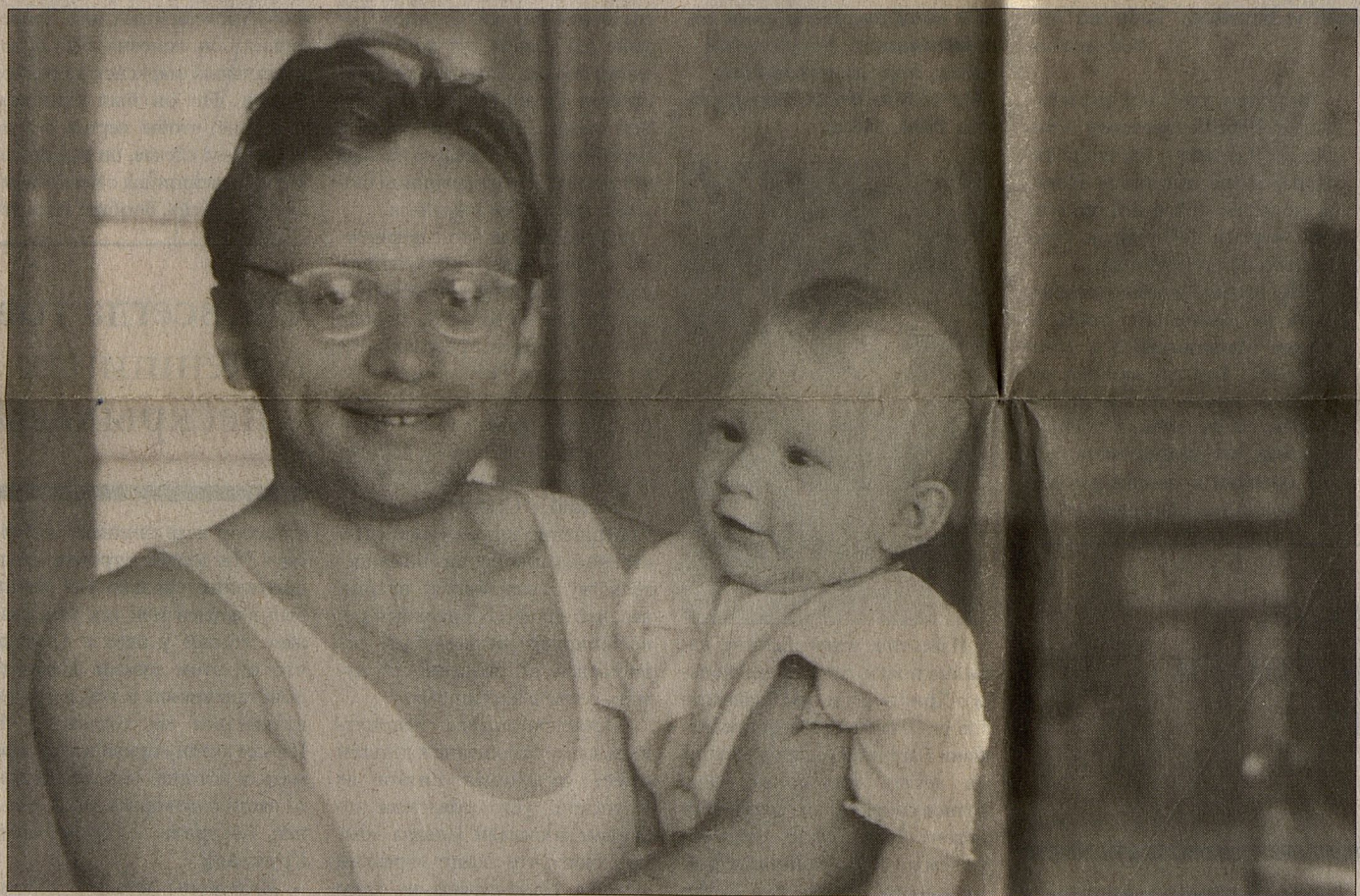
В конце 60-х Анатолий Кузнецов считался в СССР одним из самых ярких, талантливых и прогрессивных литераторов, одним из «отцов-основателей» так называемой исповедальной прозы. Его роман-документ «Бабий Яр» стал едва ли не самым крупным событием в советской литературе того времени. В основу романа легли записи, которые в детстве будущий писатель вел тайком от всех, стараясь запомнить все, что происходило с ним в оккупированном Киеве. Его рассказ «Артист миманса», опубликованный в 1968 году в «Новом мире», сравнивали с гоголевской «Шинелью» и «Бедными людьми» Достоевского. Его книги выходили огромными тиражами, переводились на множество языков, по ним ставили спектакли и снимали фильмы.

И вдруг: «Я дошел до точки...»

И вдруг – отчаянное, авантюристское, клеймо «невозвращения», глухое раздражение и показное непонимание коллег по писательскому цеху, шепот в коридорах Центрального дома литераторов: «Ну чего ему не хватало?»

А затем – практически полное забвение, искоренение из истории, выпатчивание памяти о нем. Тогда казалось – навеки.

Пришли 80-е годы, грянула перестройка, и постепенно в литературный обиход стали возвращаться запрещенные имена: Солженицын, Галич, Бродский, Некрасов, Аксенов, Войнович,

С сыном Алексеем.

В командировку в Лондон отец был отправлен накануне 100-летия Ленина. Он заявил, что пишет роман о II съезде РСДРП, что ему необходимо побывать на месте событий, постоять на могиле Карла Маркса на Хайгейтском кладбище, поработать в библиотеке Британского музея, где в свое время трудился Ленин, словом – «прочувствовать атмосферу». Что ж, план его удался – прогрессивный писатель был командирован в британскую столицу. Он тут же ушел от своего «опекуна» и попросил политического убежища. Отчаянная злоба обманутых советских чиновников выплеснулась на страницы печати с такой силой, что этот мутный поток, как говорится, за-

прошлую жизнь, наивно и немного по-детски веря, что, попав в нормальное общество, он может говорить правду безо всяких ограничений, Анатолий Кузнецов подробно и обстоятельно рассказал о своих связях с КГБ, о том, как с ним работали, как его вербовали, как он дал формальное согласие на сотрудничество, лишь бы ему позволили выехать за границу.

История простая: не пойман – не вор. А признался – получи клеймо «доносчика», а заодно и «изменника».

Многие из тех, чья «стучацкая» деятельность была секретом Полишинеля, громче всех закричали: «Держи вора!» – прекрасно продолжая при этом ездить в за-

но литературного творчества. Случай же с Анатолием Кузнецовым – особый. Почти уникальный. За неполных 10 лет в эмиграции он не написал ни одной новой книги. Ни ОДНОЙ.

И это – самая главная причина забвения.

Однако точку ставить рано.

Сам он в начале 70-х на вопрос, когда же будут новые произведения, отвечал беспечно: «Все так же по-детски: «А я теперь, слава богу, свободен. Хочу писать, хочу не пишу».

Но, разумеется, все было не так просто. Отказавшись раз и навсегда от выдающегося метода социалистического реализма, которому только и учили в Литературном институте имени Горького (а отец, между прочим, стал известным писателем еще до окончания этого знаменитого вуза), он решил сделать две вещи. Во-первых, прочесть побольше запрещенной в СССР литературы – Оруэлла, Кафку, Замиятына, Бердяева... и много еще кого! – чтобы понять, как же надо и как можно писать в свободном мире.

Во-вторых, написать что-нибудь «эдакое», в манере «потока сознания» или постимпрессионизма, отдалась свободному творчеству, не стесненному запретами и законами социализма.

И вот, проделав все запланированное, отец вдруг осознал, что писать, например, как Джойс, он не в состоянии. Просто не получается. Некоторые отрывки из незавершенного его романа «Тейч файн» были даже опубликованы, но реакция друзей, критиков и, что самое важное, самого автора, была единой: слабое и формальное подражание. А писать по-другому он попросту не умел – и, не умея лгать в первую очередь

самому себе, честно признавался в этом. «Я теперь, почитав настоящих, понял, что мне марасть бумагу нечего. А ведь думал, что писатель».

Уникальность ситуации – все в той же творческой манере Анатолия Кузнецова. «Исповедальность» его прозы, ее максимальная откровенность и открытость – это уже не реализм, а нечто большее. Если хотите, это уже не вполне литература. Недаром же главный труд его жизни – «Бабий Яр» – имеет весьма красноречивый подзаголовок: «Роман-документ». И, как это ни рискованно звучит, позволю себе предположить, что по складу своего дарования Анатолий Кузнецов был не столько писателем – литератором, облачающим в словесную форму некие мысли и чувства, а летописцем – человеком, которому ближе всего прямые, нелитературные высказывания.

В самом деле, что могло быть более подходящим для «исповедального» писателя, чем возможность напрямую, без каких-либо литературных условностей обращаться к своим читателям?

И писатель-летописец стал публицистом. А читатели стали слушателями.

Тексты радиобесед отца подготовлены мною к изданию, но вот незадача: пока выход книги в свет остается проблемой – кто-то не считает издание важным, кому-то денег не хватает... в общем, традиционная для Анатолия Кузнецова история...

Эта книга возвратила бы в литературный обиход страны имя одного из талантливейших ее писателей. Нет сомнения, что, прожив Анатолий Кузнецов хотя бы до начала XXI века, книг было бы больше, а участие его в жизни современной России было бы весьма заметным.

Гладилин, Владимов... всех не перечислить. Анатолия Кузнецова словно бы и не было. Его имя так и оставалось скрытым неким странным флером молчания – в том числе и среди прогрессивной «перестроенной» общественности.

Совершенно очевидно, что Анатолий Кузнецов стал невольной жертвой своей творческой манеры – а именно «исповедальности». Предельная откровенность, честность не только перед самим собой, но и перед читателями, разумеется, в советское время никак не приветствовалась. Ни одна из его книг – ни одна! – не дошла в СССР до читателя в том виде, в каком она была задумана и написана.

хлестнул тогда и тех отцовских друзей и коллег, которые внутренне готовы были ему посочувствовать и даже посмеяться втайне над околпаченными болшевицами. Имя отца было так старательно вычеркнуто из всех советских аналогов, что инерция этого вычеркивания сохранилась и тогда, когда советская власть приказала долго жить.

Вскоре после «невозвращения», летом 1969 года, в английской газете «Санди Телеграф» было опубликовано интервью отца известному лондонскому журналисту и будущему своему коллеге по работе на радио Дэвиду Флойду. Желая избавиться от лжи, которая окружала его всю